

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

OLGA B. STRAKHOV, *The Byzantine Culture in Muscovite Rus': The Case of Evfimii Chudovskii (1620–1705)*. Köln–Weimar–Wien: Böhlau Verlag, 1998 (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe A: Slavistische Forschungen, Neue Folge, Bd. 26). 349 p. ISBN 3–412–06898–5.

Монография О.Б. Страховой посвящена рецепции византийской культуры в Московском государстве в XVII в. и роли в этом процессе Евфимия Чудовского (1620–1705), одного из наиболее плодотворных книжников средневековой Руси. Книга состоит из предисловия, введения, шести глав, заключения и выводов, а также примечаний, списка цитированной литературы, перечня использованных рукописных источников и именованного указателя исторических и культурных деятелей.

Во введении (с. 15–19) представлена хронология культурных процессов, происходивших в Московском государстве в XVI–XVII вв. Их можно резюмировать следующим образом:

1) с учреждением в 1589 г. московской патриархии на русскую почву стала переноситься византийская модель отношений между церковью и государством; при этом русская церковь продолжала свою политику культурного изоляционизма (начатую еще в 1448 г., когда Москва отвергла унию восточных церквей с римской, принятую на Ферраро-Флорентийском соборе), обусловившую негативное отношение к грекам;

2) в середине XVII в. царь Алексей Михайлович принял политическую программу, предусматривавшую превращение Московского государства в православную империю, которая играла бы ведущую роль в всем православном мире; в результате сформировалась новая политика культурной открытости и позитивного отношения к грекам, способствовавшая переносу некоторых характеристик Византийской империи на Московское государство; в столицу были приглашены греческие и киевские книжники для проведения соответствующих религиозно-культурных реформ; в Москве началось печатание книг по украинским образцам;

3) в 1685 г., когда украинская православная церковь перешла в подчинение московского патриарха, в России вспыхнула полемика о моменте преложения Св. Даров, вскрывшая значительные различия между украинским и русским православием; в результате в Москве сложилась атмосфера недоверия к выходцам с Украины, которые с этого времени начали подвергаться дискриминации — они смещались с церковных постов и даже изгонялись из монастырей;

4) с началом петровских реформ в конце XVII в. изменился культурный код официальной российской политики, которая, сохраняя курс на предпочтение иностранных образцов, ориентировалась теперь не на Византию, а на Западную Европу; с этого времени выходцам с Украины принадлежала важная роль в культурной жизни Московского государства: они были проводниками западного

влияния, представлявшими традиции ближайшей к России западной страны — польско-литовской Речи Посполитой; это несколько смягчило жесткую позицию россиян по отношению к украинскому православию.

Первая глава “Отношение к греческому языку и культуре в Московском государстве XVII века” (с. 21–42) описывает динамику восприятия греческой культуры московскими деятелями XVII в. в зависимости от их политической и общекультурной ориентации. После падения Константинополя Московское государство стало рассматриваться в качестве единственной страны, способной и призванной сохранить православие, а вместе с ним и византийскую культуру. Гибель Византии связывалась с утратой греками древнего благочестия, что формировало негативное отношение русских людей к самим грекам и особенно к греческим книгам, печатавшимся в основном в неправославных странах.

В 1654 г. русская церковь в лице патриарха Никона официально провозгласила высокий престиж греческой культуры, и этот взгляд был поддержан последователями патриарха. В Москве возрос интерес к греческому языку, началось регулярное исправление церковнославянских богослужебных книг по греческим образцам, поскольку россияне признавали авторитет греков в области литургической практики. Новая идеология находилась в противоречии с традиционным недоверием к греческой традиции, что сказывалось в амбивалентном поведении отдельных людей, которые могли поддерживать исправление книг, сохраняя при этом враждебность к греческой культуре.

В противовес официальным декларациям о сакральном характере греческого образования, противники никоновских реформ (старообрядцы) сохраняли верность традиционной политике культурной закрытости и антигреческие настроения, признавая авторитетными не греческие книги, а лишь древние церковнославянские кодексы.

Когда в России вспыхнула полемика о том, в какой именно момент литургии происходит преложение Св. Даров (т.е. превращение воды и хлеба в Кровь и Плоть Господни), российское общество разделилось на два лагеря: на сторонников католического понимания и приверженцев традиционной православной интерпретации этого процесса. Поскольку данное расхождение во взглядах не было ограничено указанным богословским вопросом, а отражало различные идеологические установки участников спора, то можно говорить о существовании в российском обществе двух культурных направлений — латинофильского с ориентацией на западноевропейские традиции и грекофильского, равнявшегося на Византию. Когда в 1691 г. латинофилы были побеждены, в российском обществе временно возобладала грекофильская идеология. Ее сторонники рассматривали церковнославянский и греческий языки в качестве двух проявлений единой сакральной сущности — эллино-славянского языка.

Вторая глава “Грекофилы и латинофилы в Московии: лингво-культурный аспект” (с. 43–55) посвящена анализу общекультурных и лингвистических установок представителей двух направлений в российской культуре. Подчеркивая отсутствие жесткой, однозначной связи между позицией по вопросу о моменте преложения Св. Даров и общекультурной ориентацией, автор излагает языковые концепции грекофилов и латинофилов.

Поскольку, согласно грекофилам, эллино-славянский язык существовал в двух формах — греческой и церковнославянской — то требовалось преобразовать последнюю таким образом, чтобы было достигнуто однозначное соответствие между церковнославянским и греческим на разных языковых уровнях: в мор-

фологии, словообразовании, синтаксисе, семантике и фразеологии. Этот процесс, по словам автора, можно назвать *эллинизацией церковнославянского языка*.

Латинофилы не располагали четкой лингвистической программой, но были убеждены в функциональной равноправности латыни и церковнославянского языка в качестве универсальных средств человеческого общения. Поскольку в этом отношении данные языки не уникальны, то лингвистическая позиция латинофилов допускала равноправное употребление церковнославянского, латинского, польского языков и простой мовы даже в рамках одного текста, что можно считать одним из признаков барочной культуры. В иных своих проявлениях барочная культура не была чужда и грекофилам.

Третья глава “Проблема ‘высокого’ и ‘низкого’ стилей церковнославянского языка в представлениях грекофилов” (с. 57–81) объясняет причины возникновения письменного просторечия, функционировавшего в Московском государстве со второй половины XVII в. Согласно известному объяснению Б.А. Успенского, в этом сказалось влияние украинско-белорусской культурной ситуации, в которой функционировало два литературных языка — церковнославянский и простая мова. Не отрицая возможности подобного объяснения, О.Б. Страхова доказывает, что *основным* источником влияния в данном случае была все же греческая языковая ситуация, а именно, широкое распространение в грекоязычном обществе с середины XVI в. упрощенного варианта греческого литературного языка, использовавшегося преимущественно в культурных и просветительских целях.

В связи с этим автор обращает внимание на то, что во время деятельности братьев Лихудов в России возникло представление, согласно которому отношения между церковнославянским и русским языками были аналогичны тем, что существовали между греческим литературным языком и его упрощенным вариантом, во многом ориентированном на разговорную речь. В результате грекофилы, равнявшиеся на греческую культурную ситуацию, выдвинули идею о двух стилях церковнославянского языка — высокого, предназначенного для узкого круга профессионально образованных книжников, и низкого, который должен был обслуживать иные слои российского общества. Если старшее поколение грекофилов заботилось в основном о создании рафинированного высокого стиля церковнославянского языка, который должен был идеально соответствовать структуре и семантике греческих лингвистических моделей, то усилия младшего поколения грекофилов были направлены на выработку упрощенной разновидности церковнославянского языка. Последний подход оказался более перспективным, поскольку совпадал с основным направлением петровских культурных реформ.

Четвертая глава “Кем был Евфимий?” (с. 83–99) содержит критический разбор противоречивых мнений об исключительно скудных биографических данных Евфимия Чудовского. Четко разграничив различных деятелей эпохи, носивших имя Евфимий (эта работа проведена впервые), О.Б. Страхова предложила новый синтетический обзор жизнедеятельности Евфимия Чудовского, значительно корректирующий прежние опыты биографии этого книжника [Исаченко-Лисова 1992].

Пятая глава “Литературная деятельность Евфимия” (с. 101–226) представляет собой исчерпывающий комментированный каталог произведений, так или иначе связанных с книжной деятельностью Евфимия Чудовского. В отдельных подразделах описываются его переводные произведения (№ 1–35), правленные им тексты (№ 36–63), его оригинальные сочинения (№ 64–107), переписанные им

рукописи (№ 108–120). В каждом случае указываются местонахождение и шифры соответствующих рукописных источников, количество листов, датировка в соответствии с водяными знаками, основание для соотнесения текста с книжной деятельностью Евфимия; специально оговаривается наличие сразу нескольких списков одного и того же произведения. Далее раскрывается содержание рукописей (абсолютное большинство которых было просмотрено автором *de visu*), приводится источниковедческий комментарий и краткая лингвистическая характеристика, указывается научная библиография.

Значение некоторых статей каталога выходит за рамки проблематики, связанной исключительно с деятельностью Евфимия Чудовского, и, несомненно, привлечет к себе внимание широкого круга специалистов. Таков, например, этюд о связи так наз. Чудовского Нового Завета с именем митрополита Алексия (с. 216–218), которая, по всей видимости, является всего лишь плодом воображения самого Евфимия.

Шестая глава “Лингвистические взгляды Евфимия” (с. 227–250) посвящена описанию трех приемов переводческой техники с греческого на церковнославянский, которых придерживался в своей работе Евфимий Чудовский: а) пословность перевода; б) однозначность греческо-церковнославянских лексических соответствий; в) тождественность словообразовательной структуры соотносимых греческих и церковнославянских слов. В результате применения указанных принципов старшим поколением грекофилов, в том числе Евфимием, была создана особая разновидность церковнославянского языка, являвшая собой высокий и в высшей степени эллинизированный стиль.

Заключения и выводы (с. 251–257) не только обобщают содержание монографии, но и предлагают осмысление той роли, которую сыграли грекофилы старшего поколения в истории русской культуры. В разделе примечаний (с. 259–311) значительное место занимают оригинальные цитаты из русских и церковнославянских источников, переданные в основном тексте в английском переводе. Список цитированной литературы (с. 313–332) содержит более 350 библиографических позиций, которые в книге не пронумерованы.

Несомненно, что монография О.Б. Страховой знаменует качественно новый этап в изучении русской филологической культуры XVII вв. вообще и книжной деятельности Евфимия Чудовского в частности. Структура книги тщательно продуманна и полностью соответствует своему заглавию.

Введение и три первые главы, посвященные обсуждению общекультурных вопросов, носят обобщающий характер. Их стиль является насыщенным и приближается к тезисному изложению культуроведческих концепций, делая монографию привлекательной как для специалистов по истории и культуре Московского государства, так и для широкого круга филологов, в том числе студентов. Само изложение ведется в объективном ключе, поэтому далеко не всегда можно четко разграничить личный вклад О.Б. Страховой в изучение вопроса от реферирования работ предшественников. С другой стороны, благодаря такому изложению создается впечатление цельности предлагаемой картины культурного развития.

Четвертая, пятая и шестая главы, посвященные личности и книжной деятельности Евфимия Чудовского, подводят итог многолетних исследований О.Б. Страховой. Изложенная ею биография этого книжника представляется значительным шагом вперед по сравнению с предыдущими опытами подобного рода. Публикуемый комментированный каталог рукописных источников является

самым полным, детальным и наиболее аргументированным описанием источниковедческой базы для изучения книжной продукции Евфимия, общий объем которой оценивается автором в 16.100 листов. Анализ основ переводческой техники Евфимия, несомненно, привлечет к себе внимание читателей.

Однако создается впечатление, что монография написана скорее историком филологической культуры, чем языковедом, стремящимся к максимальной точности в лингвистической интерпретации исследуемого материала. Так, автор несколько раз использует термин *инфикс* вместо *суффикс* (с. 246–247), что вряд ли допустимо в языковедческой работе. На с. 247 обсуждается употребление Евфимием образований на -илище, хотя приводимые тут же примеры (типа *влагалище, зрѣлище*) противоречат постулируемому форманту. Среди лексических гречизмов, т.е. греческих слов, оставленных Евфимием без перевода (с. 117–118), приводится пример *вѣстствѣѣ*, который в действительности представляет собой не заимствование, а греческую кальку, т.е. слово, определенным образом *переведенное* на церковнославянский. Среди *неологизмов* Евфимия, появившихся в результате применения им принципа поморфемного перевода, упоминается церковнославянская лексема *вѣстание*, употребляемая вместо *вѣскрсьение* в соответствии с греч. *ἀνάστασις* (с. 131), хотя это — лексический преславизм [Славова 1989, 41–42], известный южнославянским рукописям XI в., входящим в узкий старославянский канон [Словарь, 155].

Две интерпретации, предложенные О.Б. Страховой, требуют особого рассмотрения. Во-первых, языковой материал, призванный проиллюстрировать лингвистические взгляды грекофилов вообще (с. 44–49; к сожалению, библейские цитаты не сопровождаются указанием на книги, главы и стихи) и Евфимия Чудовского в частности (с. 227–250), говорит о том, что перед нами в большинстве случаев предстает не собственно *лингвистическая модель*, ориентированная на идеальную языковую систему, а *переводческая концепция*, основанная на правилах трансформации греческого текста в церковнославянский, т.е. явление не языкового, а текстового уровня. Логично думать, что грекофилы старшего поколения реализовали не грамматический, а скорее текстологический подход к нормализации церковнославянского литературного языка (о различии этих подходов см.: [Толстой 1988, 71–73, 108–109]), ориентируясь при этом на авторитетные для себя греческие тексты (ср. у О.Б. Страховой, с. 251). Именно этим объясняется специально отмеченный автором рецензируемой монографии факт, что выработанный грекофилами особый эллино-славянский стиль характерен прежде всего для их переводов с греческого, тогда как оригинальные сочинения тех же авторов относительно свободны от гречизирующих конструкций (с. 227). Очевидно, что установка на собственно лингвистические правила должна проявляться как в переводах, так и в оригинальных произведениях, написанных на данном языке.

Следует обратить внимание на то, что Н.И. Толстой, противопоставивший текстологический и грамматический подходы к нормализации церковнославянского литературного языка, связывал их с различными культурными ареалами славянского мира — *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana* соответственно. В такой ситуации следовало бы ожидать, что грекофилы (особенно старшего поколения) будут придерживаться именно греко-славянской традиции, предполагавшей текстологический подход к нормализации литературного языка. Собственно лингвистический (грамматический) подход мог быть характерен для латинофилов с их прозападной культурной ориентацией, поскольку они не вырабатывали

строгих переводческих приемов. О.Б. Страхова же говорит о расплывчивости лингвистической программы латинофилов (с. 48–49), приводя при этом примеры ее реализации из *оригинальных* церковнославянских текстов.

Во-вторых, стремление Евфимия к однозначности греческо-церковнославянских лексических соответствий проинтерпретировано О.Б. Страховой следующим образом: “Иными словами, в языковом сознании Евфимия церковнославянское слово начало утрачивать свою потенциальную полисемию; оно представлялось принципиально моносемантическим” (с. 239). Это утверждение вряд ли правомерно, так как однозначность лексических соответствий предполагает наличие у церковнославянских слов целого спектра значений, которыми обладают их греческие соответствия. Поскольку Евфимий отдавал себе отчет в многозначности греческих слов, что было показано самой О.Б. Страховой (с. 240), то, стремясь к однозначности греческо-церковнославянских лексических параллелей, он должен был допускать *принципиальную многозначность* соответствующих церковнославянских слов.

Высказанные замечания по поводу некоторых лингвистических интерпретаций, предложенных О.Б. Страховой, несколько не умаляют значения рецензируемой монографии, которая в общем представляет собой образцовое научное исследование.

ЛИТЕРАТУРА

- Исаченко-Лисовая Т.А., 1992: Евфимий, in Лихачев Д.С. (ред.), *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 3 (XVII в.), ч. 1. Санкт-Петербург, 287–296.
 Славова Т., 1989: Преславска редакция на Кирило-Методиевския старобългарски евангелски превод, in *Кирило-Методиевски студии*, кн. 6. София, 15–129.
 Словарь = Цейтлин Р.М., Вечерка Р., Благова Э. (ред.), *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, Москва, 1994.
 Толстой Н.И., 1988: *История и структура славянских литературных языков*. Москва.

E-mail: sergejus.temcinas@flf.vu.lt

Сергей Темчин
Вильнюс

PETER WEISS, *Slovar govorov Zadrečke doline med Gornjim Gradom in Nazarjami. Poskusni zvezek (A–H)*. Ljubljana: Založba ZRC, 1998. 268 str. ISBN 961–6182–47–1.

Одна из особенностей словенского национального языка, на территории распространения которого насчитывается до 48 говоров, заключается в том, что его литературная форма сложилась довольно поздно. Это обстоятельство было одной из причин того, что отношения между словенским литературным языком и говорами оказались довольно сложными. Говоры, являясь активным средством общения и источником постоянного влияния на литературный язык, по крайней мере — на его разговорную форму, занимают гораздо более заметное место в системе общесловенского языка, чем, например, говоры в системе общерусского или общепольского языков. Сохраняя традиционные, зачастую архаические формы, они постоянно адаптируют также новые слова из литературного языка и других говоров. Все эти процессы вызывают устойчивый интерес специалистов-словенистов различных профилей.